

Священник Игорь Иванов

ПЕРЕВОД СТАТЬИ: ПРОФЕССОР ПРОТОИЕРЕЙ ДУМИТРУ СТАНИЛОЭ «О ХРИСТИАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»¹

Статья профессора протоиерея Думитру Станилоэ посвящена вопросу формирования христианской «ответственности» как «ответа» на обращение Бога к человеку. Кроме того, сам диалог «я — Ты (ты)» рассматривается в разных контекстах: лингвистическом, социологическом, экзистенциальном, онтологическом — как в современном, так и в библейско-святоотеческом понимании принципов «общения» и «богообщения».

Ключевые слова: Христианство, Православие, общение, богообщение, ответ, ответственность, современность.

Естественная человеческая ответственность

Слово не только передает смысл от субъекта к субъекту. Оно передает и энергию. Это особенно характерно в случае призыва, поддержки, если хочется вселить уверенность в том, кому адресовано слово. Оно передает от адресанта адресату силу творить добро или противостоять злу.

Конечно, слово может и парализовать силы того, кому оно адресовано, если в нем не слышится доверия, если оно показывает, что адресата не ценят, если в слове нет любви, если оно выражает нелюбовь, критику самого адресата и того, что он может делать. Но и в этой ситуации очевидно, что в слове заключена сила, т. к. для того, чтобы парализовать какую-либо силу, тоже нужна сила.

1. Однако воздействуют на нас не только слова с ярко выраженным зарядом, будь то положительным или отрицательным, но и слова, которые на первый взгляд не несут подобной нагрузки.

Любое слово побуждает того, кому оно адресовано, к ответу, утвердительному или отрицательному. При этом адресат может произнести ответ как про себя, так и вслух. Любое произнесенное слово, как следствие, побуждает того субъекта, кому оно адресовано, к сознательному движению, к реакции, называемой *ответом*. В слове первого субъекта заложена не только интенция говорящего, но и сила, вызывающая ответную реакцию. Первое слово является *обращением*, адресованным одним субъектом другому (или другим), то есть призывом, побуждающим и привлекающим силу для ответа. Первое слово (как зов) вовлекает в себя второе слово (как ответ), а второе слово (как ответ) предполагает наличие первого слова (как зова). Не существует одного без другого. Никто не разговаривает, не ожидая и не получая ответов, и никто не отвечает без соответствующего обращения. Любой говорящий субъект связан с другим субъектом, который ему отвечает или которого он побуждает говорить;

Священник Игорь Анатольевич Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии (igivan74@mail.ru).

¹ Перевод с румынского языка сделан по публикации: *Stăniloae D., pr., prof. Responsabilitatea creștină // Ortodoxia. 1970. № 2. P. 181–191*. Подстрочный перевод выполнен силами компании «Ego Translating» (СПб.), стилистическая правка осуществлена священником Игорем Ивановым, под редакцией доцента кафедры богословия Александра Васильевича Маркидонова.

любой сознательный субъект, если выступает с речью, вовлекает в свое выступление другого субъекта и создает с ним онтологическую связь.

2. Но данная связь имеет активный характер. В слове человека выражается не статическая, а динамическая связь с другим. Человек говорит не из-за того, что просто хочет поговорить, а потому что в стремлении говорить он открывает свое сознание для связи с другими, которые влекут его возможностью общения, и происходит это на основании не только внешней, но и бытийной связи с окружающими. Когда человек обращается к кому-либо или отвечает кому-либо, он вовлечен в это общение другими, т. е. он общается не только потому, что сам по себе является словесным существом, но и потому, что является словесным существом в естественной бытийной связи с другими как словесными существами.

В слове приводится в действие сила движения одного субъекта к другому — как зовущего к зовому, так и последнего к первому: по причине простого присутствия человека как субъекта, способного и слушать и отвечать. Даже осознание того, что кто-то может тебя слышать, и, следовательно, может и отвечать, движет человека к разговору с другим. Данное осознание основано на онтологической дуалистичности человеческого существа, т. к. мы связаны друг с другом на бытийном уровне. Слово движет и движется посредством транзитивного взаимного движения друг ко другу двух разговаривающих. Обращающийся с речью воздействует на того, к кому обращается, и наоборот. Они оказываются захваченными круговым движением общения: речь переходит от одного к другому. Вызывающий на общение не оставляет собеседника в движении дальше в другую сторону, а притягивает призываемого снова к себе. Движение зовущего к зовому превращается в последнем в движение, направленное к зовущему. Тот, кого зовут, посредством призывания оказывается втянутым в фактические отношения с зовущим. Тем самым видно, что в движении призываемого к призываемому, проявляется сила последнего. Движение его, распространяющееся на призываемого, претворяется в нем в возвратное движение к собеседнику. Однако в возвращении данного движения к зовущему есть не только движение зовущего; оно стало движением того, кого зовут.

В ответе продолжает проявляться сила зовущего, однако она стала и движением призываемого. Переняв движение зовущего, призываемый превратил его в ответное движение.

По сути, движение каждого из них является обоюдным движением; это синергетическое движение. Движение зовущего является и движением того, кто вынуждает его звать, и, наоборот, ответное движение вызываемого к зовущему является и движением зовущего.

Конечно, ответное движение может проявляться в словах или действиях, направленных вызываемым к другим. Но оно даже в данной ориентации и форме в первую очередь является ответом, данным тому, кто его ожидает, тому, кто его сподвиг к определенным словам или действиям по отношению к другим. Диалог между двумя превратился в очаг, свет которого воздействует на других, и подразумеваются другие диалоги; однако всегда эти новые диалоги исходят из одного диалога, являющегося их центром. Этот определенный диалог распространяется шаг за шагом и является центром других диалогов.

3. Однако смысл слова заключается не просто в обращении зовущего к призываемому или проявлении ответной реакции. Слово раскрывает также и стремление зовущего к будущему, желание сподвигнуть к данному будущему и самого призываемого.

Человек говорит из-за того, что не удовлетворен своим настоящим и актуальным положением вещей. Слово раскрывает объем будущего, о котором некто только мечтает. Поэтому оно освещает нечто, еще незримое. Если человек говорит о прошлом или о настоящем положении некоторых вещей (наука), то делает это для получения выводов о том, чего может и хочет добиться в будущем на основании их познания.

Настоящее, без открытия словом своих будущих возможностей и пожеланий, оставляет все во мраке. Свет наделяет слово возможностью раскрыть горизонты

будущего. Слово обладает даром пророчества или способностью приближения существующей в настоящем реальности к своему будущему.

Человек открывает другому свои стремления к будущему, так как он не согласен идти в одиночестве к данному будущему, или не может идти один к нему; он не может эффективно двигаться к будущему, кроме как с другим или с другими, или хотя бы с их одобрения. Словом человек призывает других к тому будущему, в котором он видит перспективу, чувствуя ее притяжение; или он приближает его словом, или просит одобрения для такого будущего.

4. Если слово, обращенное к другому как призыв к будущему, означает движение, воздействующее на призываемого и становящееся как ответным движением призываемого, так и общим движением к общему будущему, то между словом и действием не существует никакого разграничения. Не может быть осмыслено действие без слова, и слово может быть использовано при необходимости более или менее эффективного действия. Если слово является движением с последствиями в межличностном и духовном плане, то и действие является движением слова, продолженным в пространстве вещей для повышения действенности призыва или ответа, распространяющегося между личностями, а также для продвижения реальности к будущему. Тот, кто обращается к другому лицу для сопоставления его с собой, и в то же время для солидаризации в стремлении к будущему, являет свой интерес к данному лицу и веру в силу реализации общего будущего, говоря о положении вещей также и действием; тот, кто отвечает этому зову, представляет, когда это необходимо, откровенный ответ, откровенно показывает волю к совместному движению к будущему и также делает это путем предоставления своего духовно-телесного естества, находящегося в соотношении с объективной реальностью, или некоторых вещей, в распоряжение того, кто исповедовал свои стремления в указанном им движении к будущему.

Действия также являются диалогом между личностями, даже если они направлены на определенные вещи. Действия представляют пророческий и преобразовательный характер, провозглашенный в словах, куда более эффективно. Они не являются параллельным диалогом совершенному в словах, а диалогом, расширенным в словах, в котором каждая сторона общения эффективно применяет собственную духовно-телесную личность или вещи, относящиеся к данным лицам. При этом действие слова одного субъекта по отношению к другому участнику общения является более эффективным.

Любое действие является свидетельством и реализацией будущего состояния логоса определенной личности и вещей, которыми она может обладать; исполнением определенного проекта. А проект — это смысл будущего определенной личности или вещей, сформулированный первоначально как внутреннее слово; прообраз будущего определенного лица и иного, а также вещей, в контексте которых находится определенная и иная личность, или иные. Действие подтверждает динамический характер понимания наших сущностей и вещей, в контексте которых мы находимся, и начало реализации определенной будущей фазы на пути понимания определенной цели. Кто-то хочет реализовать будущую фазу понимания вещей путем действия, открытого кому-то через слово, для того, чтобы и он присоединился к замыслу реализации фазы. Действие является выражением и следующим шагом к осуществлению слова как образа будущего понимания вещей. Слово — это проект, действие — это реализация образа будущего понимания вещей. Поэтому без проекта не существует действия, а без действия проект является чем-то неполным и не обладающим силой.

5. Однако если действие — это завершение слова, а слово является началом движения к действию, и в слове участвуют два собеседника, то и действие совместно производится двумя сторонами. Мое действие является результатом движения ко мне того, кто побуждает меня отвечать, движением, в которое «преобразовалось» изначальное обращение. Или действие того, кто обращается, является также спровоцированным тем, что есть некто, ожидающий этот призыв.

Из этого следует, что каждый сознательный субъект, находящийся в онтологической и активной связи с другим сознательным субъектом, обладает диалоговым динамизмом, диалогическим напряжением, посредством которого субъекты взаимно поддерживают друг друга в духовном процессе совершенствования. Субъекты образуют вместе как бы диптих, находящийся в движении к своему совершенству, которое передается одновременно от одной мембраны к другой, превращаясь одно через другое в божественный рисунок. Одним словом, каждый субъект находится в неисчислимых диалогических отношениях с другими субъектами, передавая каждому из субъектов диалогического отношения богатство, накопленное в диалогических отношениях с другими субъектами.

Ответственность за ближних перед Богом

Перечисленные аспекты динамической связи между субъектами посредством слова и действия существуют и между Богом и людьми, но с тем различием, что в качестве соучастника общения выступает Бог.

1. Среди человеческих субъектов не существует ни одного, позиция которого была бы постоянно главной. Каждый человек выступает поочередно в роли зовущего и того, кого зовут, просящего ответа и дающего ответ. Каждый человек несет ответственность друг за друга. Однако в отношениях между Богом и человеком только человек несет ответственность и не бывает в роли того, кто требует от Бога ответа, ответственности, в случае необходимости. Может быть, в этом смысле св. Максим Исповедник и говорит, что Бог находится вне каких-либо отношений. Безусловно, человек порой просит от Бога ответа, однако в этом ответе Бог остается свободным и независимым. Он не несет ответственности перед человеком: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “Зачем ты меня так сделал?”» (Рим. 9:20).

В отношениях с Богом человек позиционируется исключительно как ответчик и, следовательно, как слушатель. Бог призывает человека к исполнению определенных обязательств, а человек слушает и отвечает. Однако это означает, что человек чувствует в слове Божьем значительно большую силу, нежели в слове ближнего своего. Это также означает, что человек чувствует необходимость отвечать или разговаривать, отвечая, с «неким голосом», который не может не быть услышан. Его роль в диалоге с Богом — это непреодолимое моральное ограничение. Вот почему роль Бога в данном диалоге имеет четкое и безусловное влияние. Поэтому Священное Писание считает духовно мертвыми тех, кто не слышит слово Божие; также оно насмехается над идолами, которые не могут разговаривать или слышать зов человека (Втор 4:28). В общении с Богом, как субъектом, имеющим высшее духовное влияние в диалоге с человеком, приходит и чувство, что Он слышит, что Он слушает, так же, как и в диалоге между людьми слушание собеседника так же живо воспринимается говорящим участником общения, как и звуковой ответ ему (Пс 33:4, 6, 17; Пс 32:2; Пс 19:8; Пс 17:8; Пс 16:6 и др.). Священное Писание осуждает любое идолопоклонство или пантеизм, т. к. они предполагают отрицание диалога между Богом и человеком, божество считается безличным. В пантеистической концепции человек одинок, он не несет ответственности перед неким высшим субъектом.

В случае нашего ближнего мы понимаем, что он с нами разговаривает, т. к. слышим его слова в виде звуков. В случае Бога, чем интенсивней мы переживаем влияние Его обязательных требований в нашем сознании, тем больше мы узнаем, что Он говорит. В итоге, обязательная сила слова ближнего для нас является также и духовным опытом, опытом важности Его, как духовной реальности: безусловной важности говорить с Ним и отвечать Ему, и не только для Него, сколько для нас самих.

В некотором роде мы, христиане, переживаем чувство безусловной ответственности за ближнего своего. Однако мы не можем объяснить эту безусловную ответственность из приобретаемого эмпирического знания. И только из веры в вечную важность

Его и нашего существования мы можем объяснить эту безусловную ответственность. Только вера в сознательное выполнение наших обязательств перед Ним дает не проходящую радость, а вечное счастье Его и наше, и может объяснить безусловную силу, с помощью которой нам внушается обязанность данного исполнения. Подобную ответственность мы чувствуем перед принятием логического обоснования такой веры; или она пережита людьми, которые не испытывают потребности в получении исчерпывающего обоснования. Это значит, что переживание данной безусловной ответственности перед нашими ближними является всеянной в наше существо, и наставляет нас куда большая сила, чем логическая аргументация. Мы созданы с подобной ответственностью и постоянно находимся под ее безусловным давлением. А она есть не более, чем необходимая нам вибрация, возражение, навязанное нашей сущностью на абсолютно авторитетное «слово», которое порождает в нас «ответ» на него. Мы находимся и держимся в отношении с Тем, Кто нас возрождает своим абсолютным авторитетом, но в рамках этого отношения мы должны с абсолютной сознательностью выполнять все, что Он просит сделать для совершенствования нас и наших ближних.

Как уже говорилось, мы адресуем свой зов, просьбу, прошение нашему ближнему, к которым он как бы побуждает нас, а он нам отвечает, побуждаемый нами самими. Мы уже отмечали существование в нас притяжения к другому, если рассматривать нас как говорящие существа. Однако наступил момент дополнить, что мы обращаемся к другому, чтобы он нам ответил на наш вопрос, чтобы он сам прошел путь собственного совершенствования с нами и путь преобразования реальности, потому как мы направлены на это обращением Господа, как нашей движущей силы и высшего авторитета. Господь нами движет, чтобы мы Ему ответили, и просили других ответить Ему вместе с нами. Господь заставляет моего ближнего ответить Ему и просит меня ответить ближнему моему и через него Господу, всем своим существом и всем, что могу сделать для улучшения моих отношений с ним в рамках космоса, в пределах которого мы находимся.

Каин чувствует, что Господь возложил на него ответственность за своего убитого брата и поэтому пытается избавиться от нее перед самим Господом; он возмущен тем, что на него возложили эту ответственность, что с него спрашивают за неисполнение обязательств: «Разве я сторож брату моему?», — отвечает Каин на вопрос Бога: «Где Авель, брат твой?» (Быт 4:9). Далее в Книге Бытия говорится: «И пошел Каин от лица Господня» (Быт 4:16). Отказ от общения с Господом ведет к выходу из прямой связи с Господом, или, скорее, к желанию выйти, т. к. полностью выйти никогда нельзя. Он также отвергает общение и со своими ближними. Ответственность христианина перед ближними, ответ на их зов исходят из обязательств отвечать на обращение Господа. Тот, кто отказывается разговаривать с Богом в период земной жизни, предстанет перед судом Божиим в будущей жизни. «Каждый из нас за себя даст отчет Богу», — говорит Святой Апостол Павел (Рим 14:12). Ответит, правда, и за своих ближних, за которых не хотел отвечать в этой жизни, желая избежать и ответственности перед Богом.

Православные верующие молятся каждый раз во время божественной литургии о «добром ответе на страшном суде Христовом». Но слово Божье действует как суд над верующим еще в период его земной жизни путем упреков его совести. Живой, драматичный и плодотворный диалог между Богом и человеком имеет место во всей жизни верующего, это — Его заповеди, равно как и острое чувство долга, требующее их выполнения: «Слово Божие живо и действенно ... и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4:12).

Верующий, который ведет этот драматический и захватывающий диалог, сотворен Господом ответственным за своих ближних. Тем самым верующие диалогически тесно связаны с Господом. Один обладает силой и чувствует стремление естественного преобразования, а другой чувствует это влияние и обладает силой для естественного ответа, потому что оба находятся в диалогическом отношении с Богом, т. к. каждый чутко воспринимает исцеляющее слово Божие. Христиане являются

существами разговаривающими, или воистину обращающимися и отвечающими, т. к. с ними говорит Бог и в них концентрируется вся сила восприимчивости к слову Божьему, они полностью чувствуют его, слушают и отвечают перед Богом. Разговаривая друг с другом или обращаясь и отвечая друг другу, верующие отвечают перед Богом; если общаются без чувства ответственности, отвечают перед Богом в этом виде, а также, если общаются с чувством ответственности, отвечают Богу другим образом. Чем сильнее кто-то чувствует себя связанным с ближними, тем сильнее он связан диалогически с Богом, и наоборот.

Жизнь духовных существ имеет диалогический характер: обращение и ответ. Это означает, что данные существа находятся в диалогическом отношении с создавшим их субъектом, с данным важным обязательством, чувством ответственности, и этот субъект поддерживает их в этом состоянии путем требовательности.

Бог не разговаривает с людьми, как это делают люди. Но принуждает их чувствовать себя разговаривающими с Ним. Он порождает в них чувство требовательности и чувство, что они должны ответить на его требование; что они могут измениться и должны ответить в каждой ситуации, исходя из того положения вещей, которое необходимо для осуществления следующего шага, требуемого Богом, для развития их существования, усиления чувствительности к их ответственности, или для того исправления, которое требуется из-за их какого-то недостатка или изъяна, или того поведения по отношению к ближним и окружающему миру, которое исходит из создавшейся ситуации.

Уже упоминалось, что человек раскрывается как *я* в отношениях с *ты*². А отношения с *ты* в полной мере раскрываются в ответственности перед Богом. Это значит, что они проявляются как *я* путем ответа на обращение Бога. Люди проявляются как *я-ты*, поскольку они разговаривают³. Однако они являются существами, говорящими из-за того, что они ответственны. А поскольку они ответственны один перед другим, и, будучи верующими, живут со своей ответственностью перед Богом, они проявляются как *я-ты* в ответственности перед Богом. В ответственности перед Богом берется опыт Бога, как моего *Ты*, или каждый проявляется как *я* перед Богом.

Интенсивность существования собственного *я* переживается в отношениях с *ты*, поскольку в этом *ты* существует интенсивность кого-то, отличающегося от меня, некая стена субъективности, через которую я не могу переступить вольно, которая меня возвращает к самому себе с неопикуемой духовной силой. Но тогда существование Бога, как *Ты* в виде высшей интенсивности ведет к возникновению существования собственного *я* высшей интенсивности. В противном случае все может раствориться в тумане кажущегося существования.

Безусловно, существование *ты* человеческого или божественного находится далеко за пределами слова; они являются апофатическими, неопикуемыми реальностями. Однако это не означает, что они находятся вне границ опыта, жизни, как утверждал Мартин Бубер⁴. Признаваемое им отношение является по сути тем самым опытом. Их опыт проявляется отчетливо в их слове, в их подавляющем стремлении, направленном на *меня*⁵, которое в случае с *ты* человеческим ощущается как звуковая артикуляция, а в случае божественного *Ты* — как прямое духовное влияние, которое пробуждает во мне интенсивность некой безусловной ответственности.

² Buber M. Ich und Du. Berlin, 1936.

³ См.: Ebner F. Das Wort und die geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente. Innsbruck, 1921. S. 21: «Durh das Wort ... ist das Verhältnis des Ichs zum Du»; Steinbücher Th. Der Umbruch des Denkens. Die Frage Nach der Christlichen Existenz, Erläutert an Ferdinand Ebners Menschdeutung // Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1966. S. 137: «Im Worte enhüllt sich das Ich und das Du in seinem Sein und zugleich im seinem gegenseitigen Verbundensein».

⁴ Buber M. Ich und Du... S. 16: «Den Menschen zu dem ich Du sage, erfahre ich nicht. Aber ich stehe, in der Beziehung zu ihm. Erst wenn ich daraus trete, erfahre ich ihn wieder. Erfahrung ist Du-Ferne».

⁵ Cullberg J. Das Das und Die Wirklichkeit Zum Ontologischen Hintergrund der Gemeinschaftskategorie // A.-B. Lundequistska Bokhandeln, 1933.

Симптоматично то, что сегодняшняя литература (например, «Театр абсурда» Эжена Йонеско) представляет людей, которые не общаются устно ни с кем; каждый следит за своим монологом, не считаясь с тем, что говорят другие. Таковые христиане, вышедшие из отношений *я-ты* с Богом, вышли из отношений *я-ты* друг с другом, или наоборот. Они более не являются существами отвечающими, ответственными. Однако они испытывают потребность разговаривать. Довольствуясь вместо реального *ты*, неким *ты*, состоящим из их сущего, они развивают данное явление раздвоения до состояния шизофрении.

Свт. Григорий Нисский писал: «отпадение от подлинно Сущего действительно есть повреждение и разрушение существующего»⁶. Однако христианин остается существующим в силу того, что находится в диалогической связи с тем, кто по-настоящему существует. Выпадающий из себя попадает в бесконечность распада и поэтому не находит настоящей бесконечности. Только в отношениях с божественным *Ты* христианин находится в дарующей покой реальной бесконечности. Это происходит не только в движении, но и в постоянстве подвига.

Не зря в Послании к Евреям написано, что вход в Царство Божие зависит от слушания Его голоса и свидетельствует о живом и проникающем характере слова Божьего (Евр 11:4, 7–12). Занятие делами не приносит покоя, т. к. человек не переживает в них тайну бесконечности, в отношениях *я-ты* находится успокоение лишь тогда, когда в их основе лежит отношение *я-ты* с Богом. В данном случае понимание сути этого делания также является успокоением. Покой в Боге переживается как некое «сегодня», как настоящее постоянство, хотя данное постоянство не исключает движение вглубь него, являясь «движущимся постоянством», или «постоянным движением», как писал свт. Григорий Нисский.

Тот, кто находится в диалоге с наивысшим *Ты*, вышел из одиночного состояния ирреального восхищения своим прошлым, или из иллюзорного восхищения перевоплощения собственного *я*. Ответственность, присутствующая в диалоге, является началом ответственности перед будущим и покаянием перед прошлым. Сегодня, — говоря словами Давида, — Господь снова творит этот день (Пс 117:24). «Как говорит Дух Святой, ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец Ваших (Евр 3:7–8)... кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих» (Евр 4:10). Не слышать слова Божьего — это бесчувственность, духовное оцепенение, отставание от бесконечной духовности, где находится покой совершенного соединения.

2. Поскольку диалог между людьми носит активный характер, также и диалог между Богом и человеком наделен тем же характером. Сила слова Божьего продолжается отчасти даже в движении, вызванном исцеляющим и ответственным словом человека. Поэтому нельзя разделять исцеляющее слово и дело Господа, направленные на верующего, и исцеляющие и ответственные слово и дело человека по отношению к ближним своим. «Любовь Господа заключена в любви к человеку, любовь человека принята любовью Бога, и они едины без их смешивания в беспорядке или же их разделения»⁷.

В создавшемся движении верующего, повествующем и творящем, находится божественная несотворенная энергия, которая образует творящее движение верующего. «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов» (Евр 4:12). Своим «острием» слово Божие будит духовную чувственность, причем достаточно болезненную, обязывая верующего понять ее и подчиниться Ему, т. е. ответить.

⁶ St. Gregorius Nyssenus. In Psalmos, lib. II, cap. XIII // PG, XLIV, p. 565. Перевод дан по: Григорий Нисский, свт. О надписании псалмов // Он же. Творения. В 8-ми ч. / Пер. Московской духовной академии. М., 1861–1871. Т. 2. С. 145 (здесь и далее примечания по переводу фрагментов из этого сочинения — *свящ. И. И.*).

⁷ Allchin A. M. The Doctrine of Man. An Eastern Perspective / Man: fallen and free, Holder and Stoughton. London, 1969. P. 151.

Нетварные энергии действуют на человеческие существа в виде неких умопостигаемых форм (*logoi*), действенных смыслов, импульсов, направленных к будущим целям в их жизни и мире. Таким образом, цели Божьего разума действенны в целях разума верующего. Нетварные божественные энергии вступают во взаимодействие с человеческим духом, принимая форму действенных прообразований, которые действительно присущи божественным энергиям, обладая энергетическим характером. С другой стороны, энергии-прообразования направлены к живым существам и движут творения к будущим образам (*τρόποι*), более совершенным, чем они. Нетварные энергии ведут верующих к большему уподоблению их прообразований согласно божественным целям⁸. В то же время они обладают исцеляющим эффектом и переживаются верующими, как некие божественные слова и смыслы, на которые они должны ответить своей верой и своими поступками. Посредством Своих энергий Бог находится в диалогических отношениях с верующими; с одной стороны, они решаются открыто отвечать божественным словам, которые являются энергиями, а с другой стороны, получают от них силу ответить своими словами и делами, прибавляя к ним поддержку со стороны сотворенного существа. Их вера стимулируется божественными энергиями не меньше, чем их поступки.

Однако божественные энергии действуют и иначе, чем повседневные диалогические отношения с каждым из верующих, или повседневные отношения между верующими людьми.

Божественные энергии обладают творящей силой. Слово Божие есть указание и руководящая сила в движении к определенной цели, и в этом смысле — форма энергии, направленной к цели, энергия производит изменения в творении, которое создается, и может быть воспринята как слово — энергия Бога может и из ничего произвести отношения, соответствующие Его замыслу.

Творящее действие влияет так же, как и слово: зовет, побуждает и наделяет силой одну реальность к движению для получения ответа. Различие в том, что когда слово адресовано Богом и, по его подобию, адресовано человеком определенной предварительно существующей реальности, то производится новое состояние, движение, реальность в данной реальности, и это возникновение проявляется в ответе, данном соответствующей реальностью, — и в случае творения произведенная реальность появляется не в существующей реальности, а как реальность, существующая сама по себе; но ее появление также эквивалентно ее ответу на вызов словом Божьим.

⁸ См.: *St. Maximus Confessor. Ambigua*, 40 // PG, XCI, 1341D. Этим примиряется понимание постоянного и динамического характера реальности. Современная протестантская теология не видит данной возможности примирения, т. к. считает, что необходимо противодействовать старой христианской статистической концепции о реальности, заимствованной из греческой философии (*Парменид*) и утверждающей божественные дела посредством «рациональных формул» (*logoi*), а их стабильный характер связывая с динамической концепцией. Поэтому бог греческой философии понимался также статически, т. е. был «неспособным что-либо предпринять» (См.: *Moltmann J. Die Theologie der Hoffnung*, 1963. S. 24, 34; *Bultmann R. Glauben und Verstehen*, 1933. S. 276; *Pannenberg W. Was ist der Mensch*, Göttingen, T. II, 1964. S. 53). Однако при этом считается, что все меняется настолько, что со временем ничего не остается из того, что было, т. е. здесь позиционируется радикальный трансформизм. Восточные концепции о низменности существования Бога и о несотворенных энергиях примиряют крайние представления о динамизме и постоянстве. Что касается неизменяющегося логоса («*logos*») действительности и видов деяний («*trōpī*»), которые меняются, они примиряют два аспекта сотворенной реальности, которые следует признать в равной степени. Свт. Григорий Нисский писал: «Ибо действительно с таковым ладом выводимая песнь неисследимой и несказанной Божьей славе есть это согласие всей твари с самой собою, слагаемое из противоположностей. Противоположны же между собою покой и движение; и они взаимно срастворены в естестве существ; и в них самих усматриваем какое-то неизъяснимое смешение сих противоположностей, так что и в движении оказывается покой, и в неподвижном — приснодвижущееся» (*St. Gregorius Nyssenus. In Psalmos, lib. I, cap. III* // PG, XLIV). Перевод дан по: *Григорий Нисский, свт. О надписании псалмов... С. 11.*

Появление творения является расположением Бога к диалогу с чем-то, находящимся за пределами Его Самого. Творение появляется в сущем, в диалогической принадлежности к Тому, воистину существующему, признавая существование Его сущего.

Когда Господь зовет, произнося Свое слово, Ему нельзя не ответить. Слово, «реченное» Господом, является «рациональной структурой», задуманной Им, — словом активным, или энергетическим, обладающим силой для появления новой реальности, подчиненной этой логосности, или это новое состояние в реальности, ранее существовавшей. Слово, сказанное Богом, имеет, как необходимое следствие, ответ той реальности, к которой Он обращается. В нем сила, которая побуждает в обязательном порядке к ответу, аналогичному слову, «рациональной структуре», выраженной Богом. Если не существует реальности, которая могла бы ответить, значит, она должна появиться. В данном случае само ее появление является ответом, следующим слову Божию. В данном смысле все существующие реальности являются ответами на творящие слова Бога, они — ответы, аналогичные Его словам, являющие собой образы слов Божьих. Появление является бессознательным ответом творений на слово Божие, и происходит из силы, заключенной в данном слове. Творящее слово Божие является повелением: «Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось» (Пс 32:9). Его повеление незамедлительно вызывает к жизни творение, как ответ на него. «Он всем правит, все из несуществующего привел в бытие, все сохраняет в бытии, и Его повеление делается сущностью», — писал свт. Григорий Нисский⁹. Однако это означает, что творящее божественное действие надо воспринимать не как самовольное «творение» эксклюзивности, с доминирующими последствиями, а как проявление любви, которая начинается с диалога, полного любви — как общение с творением, которое ответит, т. к. свободно существует.

Длительность существования творений также является с самого первого момента продолжением их бессознательного ответа на творящие слова Господа. Но длительность — не только что-то статическое, но и движение деяний человеческих и вселенной к совершенным формам. Поэтому и слово Божие их содержащее, и ответы на них, которые «согласовывают» их бытие, не являются простыми повторениями.

Слова и поступки людей являются сознательными ответами, хотя порой сознание, проявляющееся в них, не является сознанием о Том, Кому они отвечают. Ответы, в которых сознание обнимает Того, Кому отвечают, проявляются в вере и в поступках верующих людей. Святой Максим Исповедник говорил об этом: «Всё, созданное по своему роду и виду, одобрено (Господом), — как содержащееся в собственных причинах (словах), так и вне их»¹⁰. Таким образом, всё и создано, и поддерживается посредством побуждений-слов Божьих, содержащих силу сущего. Слова Божии имеют, как необходимое следствие, ответ со стороны тварных существ — это своего рода реакция на само появление и существование творения в истории.

Любящий характер творящего делания Господа проявляется в действовании в нас слов Божьих, точнее, в том, как возникают в душе подсознательно ответы на призывы Бога, и в то же время — как формируются эти обращения к людям. Иными словами, есть ответы, которые люди усваивают подсознательно, и, перенимая их, вкладывают в них уже сознательно что-то от себя как плод соработничества Богу и ради постоянной их действенности с целью своего совершенствования. В силу того, что дела, как ответы, являются в то же время результатом делания творения Божьего, то и активное действие Господа присутствует также в усвоении и сознательном осмыслении ответов верующих Ему людей.

⁹ St. Gregorius Nyssenus. In Psalmos, lib. II, cap. VIII // PG, XLIV, p. 517. Перевод дан по: Григорий Нисский, свт. О надписании псалмов... С. 92.

¹⁰ St. Maximus Confessor. Ambigua // PG, XCI, p. 1081. (Русскоязычный аналог фрагмента не установлен. Подходящим по смыслу вариантом оригинала на греческом языке может быть эта фраза на указанной прот. Думитру Станилов странице: Πάντα γάρ τα κτιστά κατ' οὐσίαν τε καί γένεσιν παντάλασι καταφάσκειται τοῖς ἰδίοις καί τοῖς περὶ αὐτὰ οὐσι τῶν ἑκτός λογούς περιεχόμενα — святи. И. И.).

3. Как уже упоминалось, божественные энергии, направленные к миру, преследуют цель созидания будущности людей и мира. Один человек призывает к себе другого, а также зовет к общему будущему, которого пока нет ни у того, ни у другого, но образ которого уже виден тем, кто призывает, а потом и тем, кого зовут. Господь не направляет через Свои энергии-прообразования или слова к тому будущему, которое не существует. Господь призывает верующих к их будущему, поскольку исцеляет именно их на новых ступенях восхождения к Самому Себе. Один человек зовет к себе другого человека, как отличающегося от себя, но особенно призывает его к Богу. Он призывает его подняться вместе с ним к Богу, и через это делание — к собственному совершенствованию. И только в этом смысле человек зовет себяподобного к общей солидарности.

Priest Igor Ivanov. Translation from Romanian: “On Christian Responsibility” by professor archpriest Dumitru Stăniloae.

Abstract: The article written by professor archpriest Dumitru Stăniloae is devoted to the formation of Christian “responsibility” as “response” to the appeal of God to man. Also, the dialogue “I — You (you)” is considered in different contexts: linguistic, sociological, existential, ontological — both in the modern and in the biblical-patristic understanding of the principles of “communication” and “communion with God”.

Keywords: Christianity, Orthodoxy, communication, communion with God responsibility, response, Modernity.

Priest Igor Anatolievich Ivanov — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Associate Professor at the Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy (igivan74@mail.ru).